

Пушкин Василий Львович

Стихотворения Василия Пушкина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В19

В19 **Василий Львович П.**
Стихотворения Василия Пушкина / Пушкин Василий Львович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 193 с.

ISBN 978-5-519-80012-9

Содержание : Послания (ч. 1, с. 5-33) ; Басни и сказки (ч. 2, с. 35-129) ; Смесь (ч. 3, с. 131- 189)

ISBN 978-5-519-80012-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОСЛАНИЯ.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Licuit semperque licebit
Signatum præsente notâ producere nomen.
Ut silvæ foliis pro nos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit ætas,
Et juvenum ritu florent modò nata vigentque.

HORAT. *ARS POET.*

Скажи, любезный другъ, какая прибыль въ томъ,
Что часто я пружусь день цѣлый надъ стихомъ?
Что Кондильяка я и Дюмарсе чишаю,
Что Логикъ учусь и яснымъ бышь желаю?
Какая слава мнѣ за шажкіе пруды?
Лишь только всякой часъ себѣ я жду бѣды:
Стихомарашелей здѣсь скопище упрямо.
Не спавлю я нигдѣ ни *стмо*, ни *овамо*;
Я, признаюсь, люблю Карамзина чишашъ,
И въ слогъ Дмишреву спараюсь подражашъ.
Кпо мыслишь правильно, кпо мыслишь благородно;
Тотъ изъясняешся пріяпно и свободно.

Славянскія слова шаланща не дають
И на Парнасѣ они Поэша не ведутъ.
Кто Руской грамащѣ, какъ должно, не училъ,
Напрасно шощѣ писать прагедін пустилъ;
Поэма громкая, въ кошорой плана нѣтъ,
Не цѣснопѣніе, но сущій шолько бредъ,

Вошѣ мнѣніе мое! Я въ немъ не ошибаюсь
И на Горація и Депрео ссылаюсь:
Они прошивъ враговъ мнѣ швердый будутъ щипъ;
Разсудокъ слѣдоващѣ примѣрамъ ихъ велищѣ.
Таланщѣ намъ Фебъ даещѣ, а вкусъ даещѣ ученье.
Что просвѣщаещѣ умъ? пишаещѣ душу? — чшенье.
Въ чемъ увѣряющѣ насъ Паскаль и Боссюэщѣ,
Въ Синописѣ шого, въ Шпененной кнѣгѣ нѣщѣ.
Ошечесшво люблю, языкъ я Руской знаю;
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю —
И Пиндаръ нашихъ шранъ шѣмъ слогомъ не писалъ,
Какимъ Боянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ,

Я правъ, и шы со мной конечно въ шомъ согласенъ;
Но правду говоритъ безумцамъ — шрудъ напрасенъ.
Я вижу весь соборъ безграмошныхъ Славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному пошранъ,
Прошивъ меня шеперь рыкающій ужасно.

Къ дружинѣ вопієшь нашъ Балдусъ велегласно :
» О братіе мои, зову на помощь васъ!
» Ударимъ на него и первый буду азъ.
» Кіпо намъ Грамматики совѣщуетъ учишься,
» Во тѣмъ кромѣдную, въ геенну погрузишься;
» И еще смѣешь кіпо Карамзина хвалить,
« Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя испребишь. »
Не бойся, говоришь ты мнѣ, о другъ почтенный,
Не бойся, мракъ исчезъ: насъ спалъ намъ вѣкъ блаженный!
Великій Пешръ, попомъ Великая Жена,
Кошорой именемъ вселенная полна,
Намъ къ просвѣщенію, къ наукамъ путь открыли,
Вѣнчали лаврами, и свѣтомъ озарили.
Виргилій и Омеръ, Софокль и Эврипидъ,
Горацій, Ювеналь, Саллюстій, Фукидидъ
Знакомы спали намъ, и къ вѣчной славы Россовъ
Во хладномъ Сѣверѣ родился Ломоносовъ!
На лирѣ золошой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ спихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ;
Любимецъ Аонидъ и Фебомъ вдохновенный
Представилъ Душеньку въ Поэмѣ несравненной,
Во вкусъ чѣсъ насъ спалъ великихъ перемѣнъ :
Явились Карамзинъ и Дмишревъ-Лафоншенъ!
Вошь чѣмъ всѣ Рускіе должны гордиться нынѣ!
Хвала Великому! Хвала Екатеринѣ!

Пусть Клишь рецензіи писанью предаешь ,
Безумцу вопреки Поэшь всегда Поэшь.

И шакъ , любезный другъ , я смѣло въ бой вступаю ;
Въ словесности расколъ , какъ должно , осуждаю.
Аришь душою добръ , но авторъ онъ дурной
И намъ ошъ книгъ его нѣтъ пользы никакой ;
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ
И Рускимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаешь :
Чшо нужды ? Толстый шомъ , гдѣ зависъ лишь видна ,
Не есть Лагарповъ курсъ , а пагуба одна.
Въ Славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу ,
Но вкусъ я варварской гоню и ненавижу.
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь ;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много зашвердишь не есть еще ученье ;
Намъ нужны не слова , намъ нужно просвѣщенье.

КЪ БРАТУ И ДРУГУ.

Почто, мой другъ, судьбою
Съ шобой я разлучень?
Насъ все соединяло:
И дружба и родство;
Росли и жили вмѣстѣ
Съ шобою мы всегда;
Однѣ ушѣхи были,
И горести однѣ,
Прошло счастливо время:
Нѣтъ друга моего!
Ахъ, онъ шеперь далеко
Въ чужой живетъ шпранѣ!
Кшо шамъ его ушѣшишь?
Кшо любишь шамъ его?
Друзей пришворныхъ много;
Но можно ль съ ними жишь?
Кшо весель, кшо забавень;
Топъ кажешся всѣмъ миль:
Но кшо душою нѣжной
Природой одарень,
Кого несчастье гонишь

И шлагошишь печаль;
Того всѣмъ людямъ должно
Какъ язвы убѣгать.
Обыкновенно въ свѣтѣ
Такъ мыслятъ и живутъ:
Зовутъ химерой дружбу;
Любовь припворство въ немъ!
Чувствительное сердце
И терпѣшь опъ того,
Чшо здѣсь встрѣчаетъ рѣдко
Подобное себѣ,
Давно ль мы въ здѣшнемъ мірѣ
Съ тобой еще живемъ?
Но мы ужъ испытали
Коварство, злость людей.
О если бѣ съ милымъ другомъ
Теперь я вмѣстѣ былъ,
Мы съ нимъ бы находили
Оспраду и въ слезахъ;
Я дружбою моею
Утѣшилъ бы его!
Ты помнишь, какъ, бывало,
Текли часы для насъ:
Природой восхищаясь,
Гуляли мы съ тобой;

ПОСЛАНІЯ.

Или полезнымъ чшенъемъ
Свой просвѣщали умъ;
Или Творцу вселенной
На лирахъ пѣли Гимнъ!..
Поэзія свящая!..
Мы съ самыхъ юныхъ лѣтъ
Тобою занимались;
Ты услаждала насъ!..
Или въ семействѣ нашемъ,
Гдѣ царствуетъ любовь,
Играли мы какъ дѣти
Въ невинности сердець. —
Не унывай, любезный,
Чувствительный мой другъ!
Не все намъ быть въ разлукѣ,
Не все намъ горевать!
Уже вдали сіяетъ
Пріятная заря,
И къ радостямъ сердечнымъ
Мы оживемъ съ тобой!

КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Quand je pense au dégoût que les Poètes ont
essuyer, je m'étonne qu'il y en ait d'assez hardis
pour braver l'ignorance de la multitude, et la cen-
sure dangereuse des demi-savans qui corrompent
quelquefois le jugement du Public.

LE SAGE.

Какъ шрудно, Вяземскій, въ плачевномъ нашемъ мірѣ
Всѣмъ людямъ нравиться, ихъ вкусу угождать!
Почтенный Карамзинъ, на сладко-звучной лирѣ,
Въ прекраснѣйшихъ стихахъ воспѣлъ свяшую рань,
Паденіе врага, Царя Россіи славу,
Героевъ подвиги и радость всѣхъ сердець:
Какой же получилъ любимецъ Музъ вѣнецъ?
Онъ, вкуса слѣдуя и разума ушау,
Всѣ чувствія души въ восторгъ изливалъ,
Какъ другъ Ошечесова и какъ Поэтъ писалъ:
Но многіе ль, скажи, цѣнишь палантъ умѣють?
О горе, горе намъ опъ мнимыхъ знапоковъ!
Судилище ума — собранье чудаковъ,
И въ праздности сердца къ изящному хладѣють.
Давно ли, шествуя Корнелію во слѣдъ,
Поэтъ чувствительный, пишомецъ Мельпомены

Творецъ Димитрія, Фингала, Поликсены,
На Сѣверѣ блиспаль?... и Озерова нѣшь!
Зависпниковъ невѣждъ онъ учинился жертвой;
Въ уединеніи стенищій, полумертвой,
Успѣхи онъ свои и лиру позабылъ!
О зависть люшал, дочь ада, крокодилъ,
Ты въ испуленіи достоинства караешь,
Слезами, горестью питаешься другихъ,
Въ безумцахъ видишь ты прислужниковъ своихъ,
И, просвѣщенъ врагъ, таланты унижаешь!

И я на лиръ пѣлъ, и я стихи любилъ,
Въ бесѣдѣ съ Музами блаженство находилъ,
Свой умъ обогащашъ ученіемъ спарался,
И, виновашъ, подѣ часъ въ посланіяхъ моихъ,
Я надъ невѣжесвомъ и глупостью смѣялся;
Желанья моего я цѣли не достигъ:
Врали не пресшаюють злословишь дарованья,
Печашашъ вздорныя свои иносказанья,
И въ Публикѣ чишашъ, на перекорь уму,
Похвальныхъ кучу одъ, негодныхъ ни къ чему!

И такъ я спалъ лѣнивъ и празденъ по неволѣ;
Враговъ я не найду въ моей безвѣстной долѣ.
Пусть льются тамъ стихи нелѣпыя рѣкой —
Нѣшь нужды — мнѣ всего любезнѣе покой.

Но, отъ учености къ забавамъ обращаюсь,
Давно ли, славою мы Руской восхищаясь,
Торжеспвовали здѣсь желанный всѣми миръ?
И тушь мы крипиковъ, мой другъ, не удержали:
При блескѣ празднества, при звукѣ громкихъ лиръ,
Зоицы подвиговъ нашъ и рвеніе осуждали —
Искусство, пышность, вкусъ и прелестей соборъ
Все сдѣлалось виной ихъ споровъ и укоръ!

Не угодишь ничѣмъ умамъ, покрытымъ пьюю,
И, право, не грѣшно смѣяться надъ молвою!
Какой по новый Крезъ, свой написавъ поршреть,
Обжорливыхъ друзей къ обѣду приглашаетъ:
Богатымъ искони ни въ чемъ опказа нѣтъ.
Друзья съѣзжаются — хозяинъ ожидаетъ,
Что будущъ славнаго художника хвалишь,
Извѣстнаго давно искусствомъ, дарованьемъ;
Но сборище льстецовъ кричишь съ негодованьемъ,
И почто думая шѣмъ Крезу угодишь,
Что въ образѣ его малѣйшаго нѣтъ сходства,
Нѣтъ живоспи въ лицѣ, улыбки, благородства.
Послушный Апеллесъ беретъ поршреть домой.
Черезъ мѣсяцъ нашъ Лукуллъ даетъ обѣдъ другой;
Друзья опять на судъ. Дворецкій объявляетъ,
Что баринъ нужнаго курьера отправляетъ,